ИЗБРАННЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

ИВАНА ЗАХАРОВИЧА

СУРИКОВА.

(1841 — 1880.)

Цѣна 5 коп.

2-е изданіе

И. Ѳ. ЖИРКОВА.

МОСКВА
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА
ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕР., ДОМЪ № 5
1903

Дорогіе друзья!

Представляемъ вамъ книгу съ избранными произведеніями Ивана Захаровича Сурикова. Въ него входятъ множество извѣстныхъ со школьной скамьи произведеній (Вотъ моя деревня; Вотъ мой домъ родной; Вотъ качусь я въ санкахъ По горѣ крутой... и др.). Нѣкоторыя произведенія извѣстны также изъ-за написанныхъ на ихъ стихи романсовъ, напримѣръ, «Въ степи».

Въ нашемъ изданіи приводится текстъ произведенія съ исправленіемъ явныхъ опечатокъ въ соотвѣтствіи съ изданіемъ отъ 1903 года [1].

Пріятнаго вамъ прочтенія, друзья!

---

[1] Суриковъ, И.З. Избранныя стихотворенія Ивана Захаровича Сурикова. (1841-1880). – 2-е изд. – Москва: И.Ф. Жирковъ, 1903. – 32 с.; 17.

ИЗБРАННЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

ИВАНА ЗАХАРОВИЧА

СУРИКОВА.

(1841 – 1880.)

Цѣна 5 коп.

2-е изданіе

И. Ѳ. ЖИРКОВА.

Дозволено цензурою. Москва, 28 апрѣля 1903 года.

МОСКВА
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ
А. И. МАМОНТОВА
ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕР., домъ № 5
1903

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
1. Дѣтство	4
2. «Ѣдемъ лѣсомъ, и насъ»	6
3. «Солнце утомилось»	7
4. «Догорѣла румяная зорька вдали»	7
5. «Занялася заря»	8
6. «Въ воздухѣ смолкаетъ»	9
7. За городомъ	9
8. Степь	10
9. Въ степи	11
10. Часовой	13
11. Ночью	14
12. «Ты, какъ утро весны»	15
13. «Не проси отъ меня»	16
14. «Помнишь: были годы»	16
15. «Гдѣ вы, пѣсни свѣтлой доли»	17
16. «Ахъ, нужда ли ты, нужда»	18
17. Осенью	19
18. «За окномъ скрипитъ береза»	20
19. У могилы матери	20
20. Думы	22
21. Верба	24
22. «Я ли въ полѣ да не травушка была»	25
23. «Не грусти, что листья»	25
24. «День я хлѣба не пекла»	26
25. «Шумъ и гамъ въ кабакѣ»	28
26. «Не корите, други»	29
27. «Когда разстанусь я съ землей»	30

1.

Дѣтство.

Вотъ моя деревня;
Вотъ мой домъ родной;
Вотъ качусь я въ санкахъ
По горѣ крутой;
Вотъ свернулись санки,
И я на бокъ — хлопъ!
Кубаремъ качуся
Подъ гору въ сугробъ.
И друзья-мальчишки,
Стоя надо мной,
Весело хохочутъ
Надъ моей бѣдой.
Все лицо и руки
Залѣпилъ мнѣ снѣгъ...
Мнѣ въ сугробѣ горе,
А ребятамъ смѣхъ!
Но межъ тѣмъ ужъ сѣло
Солнышко давно;
Поднялася вьюга,
На небѣ темно.
Весь ты перезябнешь,
Руки не согнешь,
И домой тихонько,
Нехотя бредешь.
Ветхую шубенку
Скинешь съ плечъ долой;
Заберешься на печь
Къ бабушкѣ сѣдой.
И сидишь, ни слова...
Тихо все кругомъ;
Только слышишь, — воетъ

Вьюга за окномъ.
Въ уголкѣ, согнувшись,
Лапти дѣдъ плететъ;
Матушка за прялкой,
Молча, ленъ прядетъ.
Избу освѣщаетъ
Огонекъ свѣтца;
Зимній вечеръ длится, —
Длится безъ конца...
И начну у бабки
Сказки я просить;
И начнетъ мнѣ бабка
Сказку говорить:
Какъ Иванъ-царевичъ
Птицу-жаръ поймалъ;
Какъ ему невѣсту
Сѣрый волкъ досталъ.
Слушаю я сказку, —
Сердце такъ и мретъ;
А въ трубѣ сердито
Вѣтеръ злой поетъ.
Я прижмусь къ старушкѣ...
Тихо рѣчь журчитъ, —
И глаза мнѣ крѣпко
Сладкій сонъ смежитъ.
И во снѣ мнѣ снятся
Чудные края,
И Иванъ-царевичъ —
Это будто я.
Вотъ передо мною
Чудный садъ цвѣтетъ;
Въ томъ саду большое
Дерево растетъ.
Золотая клѣтка
На сучкѣ виситъ;

Въ этой клѣткѣ птица
Точно жаръ горитъ;
Прыгаетъ въ той клѣткѣ,
Весело поетъ;
Яркимъ чуднымъ свѣтомъ
Садъ весь обдаетъ.
Вотъ я къ ней подкрался
И за клѣтку — хвать!
И хотѣлъ изъ сада
Съ птицею бѣжать.
Но не тутъ-то было!
Поднялся шумъ, звонъ;
Набѣжала стража
Въ садъ со всѣхъ сторонъ.
Руки мнѣ скрутили,
И ведутъ меня...
И, дрожа отъ страха,
Просыпаюсь я.
Ужъ въ избу, въ окошко,
Солнышко глядитъ;
Предъ иконой бабка
Молится, стоитъ.
Весело текли вы,
Дѣтскіе года!
Васъ не омрачали
Горе и бѣда.

1866.

2.

Ѣдемъ лѣсомъ, и насъ
Онъ накрылъ, точно сводъ;
По корнямъ тарантасъ

Въ перевалку идетъ.
На землѣ отъ вѣтвей
Тѣни сѣткой лежатъ;
Милліоны лучей
Въ глубь лѣсную глядятъ.
Въ вышинѣ — свѣтъ и шумъ
А внизу — тишь и тѣнь.
Въ головѣ — рои думъ, —
Въ сердцѣ — тягость и лѣнь.

1869.

3.

Солнце утомилось,
Ходя день-деньской,
Тихо догорая,
Гаснетъ за рѣкой.
Край далекій неба
Весь зарей облитъ,
Заревомъ пожара
Блещетъ и горитъ.
Ходятъ огневыя
Полосы въ рѣкѣ;
Грустно гдѣ-то пѣсня
Льется вдалекѣ.

1865.

4.

Догорѣла румяная зорька вдали, —
И по степи вечернія тѣни легли...

И ни звука кругомъ, — всюду тишь и покой, —
Прожужжитъ только жукъ, промелькнувъ надъ травой.
Степь исчезла во тьмѣ, — а на небо взгляни:
Кто-то тамъ высоко зажигаетъ огни...
И надъ степью они, тихо зыблясь горятъ —
Въ необъятный свой міръ и зовутъ и манятъ.
И что скрылось въ душѣ, притаилося днемъ,
То проснулось теперь и взмахнуло крыломъ, —
И, стряхнувъ жизни гнетъ, въ міръ надзвѣздный паритъ,—
И душа, умиляясь, молитвой звучитъ.

1878.

5.

Занялася заря —
Скоро солнце взойдетъ.
Слышишь... чу!.. соловей
Щелкнулъ гдѣ-то поетъ.
И все ярче, свѣтлѣй
Переливы зари;
Словно паръ надъ рѣкой
Поднялся, посмотри.
Отъ цвѣтовъ, на поляхъ,
Льется запахъ кругомъ,
И сіяетъ роса
На травѣ серебромъ.
Надъ рѣкой наклонясь,
Что-то шепчетъ камышъ;
А кругомъ, на поляхъ,
Непробудная тишь.
Какъ отрадно, легко.
Широко дышетъ грудь!

Ну, молись же скорѣй!
Ну, молись, да и въ путь!

1865.

6.

Въ воздухѣ смолкаетъ
Шумъ дневныхъ тревогъ;
Тишь съ небесъ на землю
Посылаетъ Богъ.
Тихо... Отчего же
Въ сердце у меня
Не стихаетъ горе,
Прожитаго дня?
Отчего жъ такъ больно
Скорбь сжимаетъ грудь?..
Боже мой! Отъ горя
Дай мнѣ отдохнуть!

1866.

7.

За городомъ.

Наконецъ-то я на волѣ!
Душный городъ далеко;
Мнѣ отрадно въ чистомъ полѣ,
Дышетъ грудь моя легко.
Наконецъ-то птицей вольной
Сталъ я, житель городской, —
И впередъ иду, довольный,

Сбросивъ горе съ плечъ долой.
Любъ мнѣ страннической посохъ,
Я душей помолодѣлъ;
Умъ мой, въ жизненныхъ вопросахъ
Потемнѣвшій, просвѣтлѣлъ.
Я иду, куда—не знаю...
Все равно, куда-нибудь!
Что мнѣ въ томъ, къ какому краю
Приведетъ меня мой путь!
Я иду искать свободы,
Мира въ сельской тишинѣ, —
Горе жизни и невзгоды
Истерзали душу мнѣ.
Я желаю надышаться
Свѣжимъ воздухомъ полей,
Ихъ красой налюбоваться,
Отдохнуть душой моей.
Можетъ-быть, судьбѣ послушный,
Кину я полей красу;
Но зато я въ городъ душный
Силъ не мало принесу —
Силъ, окрѣпнувшихъ на волѣ,
Не измученныхъ борьбой.
Съ ними вновь на скорбь и горе
Выйду съ твердою душой.

1876.

8.

Степь.

Ѣдешь, ѣдешь, — степь да небо,
Точно нѣтъ имъ края;

И стоитъ вверху, надъ степью,
Тишина нѣмая.
Нестерпимою жарою;
Воздухъ такъ и пышетъ,
Какъ шумитъ трава густая,
Только ухо слышитъ.
Ѣдешь, ѣдешь, — какъ шальные
Кони мчатся степью;
Вдаль курганы, зеленѣя,
Убѣгаютъ цѣпью.
Промелькнетъ передъ глазами
Двѣ-три старыхъ ивы, —
И опять въ травѣ волнами
Вѣтра переливы.
Ѣдешь, ѣдешь, — степь да небо, —
Степь, все степь, какъ море;
И взгрустнется поневолѣ
На такомъ просторѣ.

1871.

9.

Въ степи.

Кони мчатъ-несутъ,
Степь все вдаль бѣжитъ;
Вьюга снѣжная
На степи гудитъ.
Снѣгъ да снѣгъ кругомъ;
Сердце грусть беретъ;
Про моздовскую
Степь ямщикъ поетъ...
Какъ просторъ степной

Широко-великъ;
Какъ въ степи глухой
Умиралъ ямщикъ;
Какъ въ послѣднiй свой
Передсмертный часъ
Онъ товарищу
Отдавалъ приказъ:
«Вижу, смерть меня
Здѣсь въ степи сразитъ,
Не попомни, другъ,
Злыхъ моихъ обидъ,
«Злыхъ моихъ обидъ,
Да и глупости,
Неразумныхъ словъ,
Прежней грубости.
«Схорони меня
Здѣсь въ степи глухой;
Вороныхъ коней
Отведи домой.
«Отведи домой,
Сдай ихъ батюшкѣ;
Отнеси поклонъ
Старой матушкѣ.
«Молодой женѣ
Ты скажи, другъ мой,
Чтобъ меня она
Не ждала домой...
«Кстати ей еще
Не забудь сказать:
Тяжело вдовой
Мнѣ ее видать!
«Передай словцо
Ей прощальное,
И отдай кольцо
Обручальное.

«Пусть по мнѣ она
Не печалится;
Съ тѣмъ, кто по сердцу,
Обвѣнчается».
Замолчалъ ямщикъ,
Слеза катится...
А въ степи глухой
Вьюга плачется.
Голоситъ она.
Въ степи стонъ стоитъ,
Та же пѣсня въ ней
Ямщика звучитъ:
Какъ просторъ степной
Широко-великъ;
Какъ въ степи глухой
Умиралъ ямщикъ.

1865.

10.

Часовой.

Полночь. Злая стужа.
На дворѣ трещитъ.
Мѣсяцъ облаками
Сѣрыми закрытъ.
У большаго зданья,
Въ улицѣ глухой
Мѣрными шагами
Ходитъ часовой.
Подъ его ногами
Жесткій снѣгъ хруститъ,
А кругомъ глухая

Улица молчитъ;
Но шагаетъ ровно
Бравый часовой, —
И ружье онъ крѣпко
Жметъ къ плечу рукой.
Вспомнился солдату
Край его родной;
Вспомнилась избушка
Съ бѣлою трубой;
Вспомнилась голубка
Милая жена:
Чай, теперь на печкѣ
Спитъ давно она.
Можетъ-быть, ей снится,
Какъ морозъ трещитъ,
Какъ солдатъ озябшій
На часахъ стоитъ.

1863.

11.

Ночью.

Осенью дождливой
Ночь глядитъ въ окошко;
Въ щели вѣтеръ дуетъ...
— Что дрожишь ты, крошка?
Что ты шепчешь тихо
И глядишь мнѣ въ очи?
Призраки ли видишь
Ты во мракѣ ночи?..
«Сядь со мною рядомъ,
Я къ тебѣ прижмуся, —

Жутко мнѣ и страшно;
Я одна боюся...
«Слышишь, — чу!.. тамъ кто-то
Плачетъ и рыдаетъ»...
— Это за окошкомъ
Вѣтеръ завываетъ.
«Чу! стучитъ въ окошко...
Это духи злые»...
— Нѣтъ, то бьютъ по стекламъ
Капли дождевыя...
И ко мнѣ, малютка,
Крѣпко ты прижалась,
И веселымъ смѣхомъ
Звонко засмѣялась.
Понимаю, крошка:
Призраки, — пустое!
Дрожь во мракѣ ночи,
Твой испугъ — другое.
Это грудь сжигаетъ
Жаръ горячей крови;
Это — сердце проситъ
И любви и воли...

1866.

12.

Ты, какъ утро весны,
Хороша и свѣтла,
Какъ цвѣтокъ, ты нѣжна,
Какъ дитя, весела;
Но боюся тебя
Я, мой другъ, полюбить,
Чтобы скорби моей

Мнѣ къ тебѣ не привить,
Чтобы горемъ моимъ
Мнѣ тебя не убить.

1866.

13.

Не проси отъ меня
Свѣтлыхъ пѣсенъ любви;
Грустны пѣсни мои,
Какъ осенніе дни!
Звуки ихъ — шумъ дождя,
За окномъ вѣтра вой:
То рыданья души,
Стоны груди больной.

1869.

14.

Помнишь: были годы,
Годы свѣтлой вѣры;
Вѣрили мы свято
И любви и ласкѣ,
Вѣрили мы даже
Бабушкиной сказкѣ.
Но пришли другіе —
Годы испытаній;
Въ насъ убила вѣру
Ложь людей и злоба, —
Ужъ любви и ласкѣ
Мы не вѣримъ оба, —

Такъ, что ради дружбы
Сказанное слово,
Стали мы съ тобою
Взвѣшивать и мѣрить, —
Сердце даже правдѣ
Отказалось вѣрить.

1869.

15.

Гдѣ вы, пѣсни свѣтлой доли
Жаркихъ юношескихъ лѣтъ? —
Пѣсни счастья, пѣсни воли,
Вы исчезли, васъ ужъ нѣтъ!
Намъ легко жилося съ вами,
Отгоняли вы печаль,
И роскошными цвѣтами
Украшали жизни даль.
Не давило горя бремя
Свѣжихъ молодости силъ,
Золотое было время —
Кто изъ насъ его забылъ?
Намъ оно лукаво льстило,
Забавляло, какъ дѣтей...
Не забыть намъ до могилы
Прежнихъ пѣсенъ, прежнихъ дней!
Пѣсни тѣ любовь слагала,
Юность слышалася въ нихъ...
Но любовь давно увяла,
Голосъ юности затихъ.
Мы душою постарѣли,
Сердцемъ рано отцвѣли;
Чувства въ сердцѣ охладѣли.

Силы въ насъ изнемогли.
Миновало наше лѣто;
И поемъ ужъ рѣдко мы;
Нѣтъ ни радости, ни свѣта
Въ пѣсняхъ сумрачной зимы.

1877.

16.

Ахъ, нужда ли ты, нужда,
Сирота забытая!
Ходишь ты безъ зипуна,
День-деньской несытая.
На твоей на полосѣ
Рожь не наливается,
А крапива да трава
Лѣтомъ колыхается.
Твоего добра и днемъ,
Не сыскать со свѣчкою;
А въ избѣ зимой морозъ
Грѣется за печкою.
Да когда же ты, нужда
Горькая, поправишься?
Знать, тогда, какъ въ гробъ сойдешь,
Въ саванъ принарядишься!..

1865.

17.

Осенью.

Въ телѣгѣ тряской и убогой
Тащусь я грязною дорогой...
Лѣниво пара тощихъ клячъ
Плететься, топчетъ грязь ногами...
Вотъ запоздалый крикнулъ грачъ
И пролетѣлъ стрѣлой надъ нами, —
И снова тихо... Облака
На землю сѣютъ дождь досадный...
Кругомъ все пусто, безотрадно...
Въ душѣ тяжелая тоска...
Какъ тѣнью, скукою покрыто
Все въ этой мѣстности пустой;
И небо сѣрое сердито
Виситъ надъ мокрою землей.
Все будто плачетъ и горюетъ;
Чернѣютъ голыя поля,
Надъ ними вѣтеръ сонный дуетъ,
Травой поблекшей шевеля.
Кусты и тощія березы
Стоятъ, какъ грустный рядъ тѣней,
И капли крупныя, какъ слезы,
Роняютъ медленно съ вѣтвей.
Порой вдали печальной гдѣ-то
Раздастся звукъ — и пропадетъ, —
И сердце грусть сильнѣй сожметъ...
Безъ свѣта жизнь! не ты ли это?..

1875.

18.

За окномъ скрипитъ береза,
Въ комнатѣ темно;
Отъ трескучаго мороза
Въ инеѣ окно.
За окномъ... Чу! — пѣсню кто-то
Весело поетъ, —
Знать, ему нужда-забота
Душу не гнететъ.
Пой же, другъ, пока поется,
Жизнь пока свѣтла;
А какъ горе къ ней привьется, —
Все одѣнетъ мгла.
Заскрипишь ты, какъ береза
Подъ окномъ зимой;
Закипятъ на сердцѣ слезы,
Смолкнетъ голосъ твой.

1868.

19.

У могилы матери.

Спишь ты, спишь, моя родная.
Спишь въ землѣ сырой.
Я пришелъ къ твоей могилѣ
Съ горемъ и тоской.
Я пришелъ къ тебѣ, родная,
Чтобъ тебѣ сказать,
Что теперь уже другая
У меня есть мать;
Что твой мужъ, тобой любимый,

Мой отецъ родной,
Твоему бѣднягѣ-сыну
Сталъ совсѣмъ чужой.
Никогда твоихъ, родная,
Словъ мнѣ не забыть;
«Безъ меня тебѣ, сыночекъ,
Горько будетъ жить.
«Много, много встрѣтишь горя,
Мой родимый, ты;
Много вынесешь несчастья,
Бѣдъ и нищеты!»
И слова твои сбылися, —
Всѣ сбылись они.
Встань ты, встань, моя родная,
На меня взгляни!
Съ неба дождикъ льетъ осенній,
Холодомъ знобитъ;
У твоей сырой могилы
Сынъ бѣднякъ стоитъ.
Въ старомъ, рваномъ сюртучишкѣ,
Въ ветхихъ сапогахъ;
Но все такъ же твердъ, какъ прежде,
Слезъ нѣтъ на глазахъ.
Знаютъ то судьба-злодѣйка,
Горе да бѣда,
Что отъ нихъ твой сынъ не плакалъ
Въ жизни никогда.
Нѣтъ, въ груди моей горячей
Кровь еще горитъ,
На борьбу съ судьбой суровой
Много силъ кипитъ.
А когда я эти силы
Всѣ убью въ борьбѣ
И когда меня, родная,
Принесутъ къ тебѣ, —

Пріюти тогда меня ты
Тутъ, въ землѣ сырой;
Буду спать я, спать спокойно
Рядышкомъ съ тобой.
Будетъ солнце надо мною
Жаркое сіять;
Будутъ звѣзды золотыя
Во всю ночь блистать;
Будетъ вѣтеръ безпокойный
Пѣсни свои пѣть,
Надъ могилой серебристой
Тополью шумѣть;
Будетъ вьюга надо мною
Плакать, голосить...
Но напрасно, — силъ погибшихъ
Ей не разбудить.

1866.

20.

Думы.

Думы мои, думы,
Думы, мои дѣти!
На смѣхъ породило
Горе васъ на свѣтѣ.
Горе васъ родило,
Горе вспеленало;
А тоска надъ вами
Плакала, рыдала.
Почему жъ слезами
Васъ не затопило?
Мнѣ безъ васъ бы легче

Жить на свѣтѣ было.
Думы мои, думы,
Что мнѣ дѣлать съ вами?..
Кину я васъ въ рѣку, —
Ходите волнами;
Брошу васъ на вѣтеръ —
Тучами несетесь;
Схороню въ лѣсъ темный —
Соловьемъ зальетесь;
Кину васъ въ огонь я,
Думаю, сгорите, —
Вы же предо мною
Плачете, стоите!
Думы жъ мои, думы,
Что жъ мнѣ дѣлать съ вами?
Кинуть, знать, придется
Васъ мнѣ сиротами!
Лягу я въ могилу,
Оченьки закрою:
Прилетайте жъ, думы,
Плакать надо мною.
На мою могилу
Падайте слезами,
Выростайте, думы,
Надо мной цвѣтами!

1867.

21.

Верба.

(Сироткѣ Е. Н. Е—вой.)

Ходитъ вѣтеръ, ходитъ буйный
По полю гуляетъ.
На краю дороги вербу
Тонкую сгибаетъ.
Гнется, гнется, сиротинка, —
Нѣтъ для ней подпоры;
Всюду поле — точно море —
Не окинутъ взоры.
Солнце жжетъ ее лучами,
Дождикъ поливаетъ;
Буйный вѣтеръ съ горемыки
Листья обрываетъ.
Гнется, гнется, сиротинка, —
Нѣтъ для ней защиты;
Всюду поле — точно море —
Ковылемъ покрыто.
Кто же вербу-сиротинку
Въ полѣ, на просторѣ,
Посадилъ здѣсь, при дорогѣ,
На бѣду, на горе?..
Гнется, гнется, сиротинка, —
Нѣтъ для ней привѣта;
Всюду поле — точно море, —
Море безъ привѣта.
Такъ и ты, моя сиротка,
Какъ та верба въ полѣ,
Вырастаешь безъ привѣта
Въ горемычной долѣ.

1867.

22.

Я ли въ полѣ да не травушка была,
Я ли въ полѣ ее зеленая росла;
Взяли меня, травушку, скосили,
На солнышкѣ въ полѣ изсушили.
Охъ, ты, горе мое, горюшко!
Знать, такая моя долюшка!
Я ли въ полѣ не пшеничушка была,
Я ли въ полѣ не высокая росла:
Взяли меня, срѣзали серпами,
Склали меня на полѣ снопами.
Охъ, ты, горе мое, горюшко!
Знать, такая моя долюшка!
Я ли въ полѣ не калинушка была,
Я ли въ полѣ да не красная росла;
Взяли калинушку, поломали
И въ жгутики меня повязали.
Охъ, ты, горе мое, горюшко!
Знать, такая моя долюшка!
Я ль у батюшки не доченька была,
У родимой не цвѣточекъ я росла,
Неволей меня, бѣдную, взяли,
И съ немилымъ сѣдымъ повѣнчали
Охъ, ты, горе мое, горюшко!
Знать, такая моя долюшка!

1870.

23.

Не грусти, что листья
Съ дерева валятся, —
Будущей весною

Вновь они родятся.
А грусти, что силы
Молодости таютъ,
Что черствѣетъ сердце,
Думы засыпаютъ...
Только лишь весною
Теплою повѣетъ —
Дерево роскошно
Вновь зазеленѣетъ...
Силы жъ молодыя
Сгибнутъ, не вернутся,
Сердце очерствѣетъ,
Думы не проснутся!

1876.

24.

День я хлѣба не пекла,
Печку не топила, —
Въ городъ съ ранняго утра
Мужа проводила.
Два лукошка толокна
Продала сосѣду,
И купила я вина,
Назвала бесѣду.
Все плясала да пила;
Напилась, свалилась;
Въ это время въ избу дверь
Тихо отворилась.
И съ испугомъ я въ двери
Увидала мужа.
Дѣти съ голода кричатъ
И дрожатъ отъ стужи.

Поглядѣлъ онъ на меня,
Покосился съ гнѣвомъ —
И давай меня стегать
Плеткою съ припѣвомъ:
«Какъ на улицѣ морозъ,
Въ хатѣ не топлено,
Нѣтъ въ лукошкахъ толокна,
Хлѣба не печено.
«У сосѣда толокно
Дѣтушки хлебаютъ;
Отчего же у тебя
Зябнутъ, голодаютъ?
«О тебя, моя душа,
Изобью всю плетку, —
Не мѣняй ты никогда
Толокна на водку».
Ужъ стегалъ меня, стегалъ,
Да, знать, стало жалко, —
Бросилъ въ уголъ свою плеть,
Да схватилъ онъ палку.
Раза два перекрестилъ,
Съ злостью плюнулъ на полъ,
Поглядѣлъ онъ на дѣтей, —
Да и самъ заплакалъ.
Охъ, мнѣ это толокно
Дорого досталось!
Двѣ недѣли на бокахъ,
Охая, валялась!
Охъ, болитъ моя спина,
Голова кружится;
Лягу спать, а толокно
И во снѣ мнѣ снится!

1868.

25.

Шумъ и гамъ въ кабакѣ,
Людъ честной гуляетъ;
Расходился бѣднякъ,
Пляшетъ, припѣваетъ:
«Эй, вы — ну, полно спать!
Пей вино со мною!
Такъ и быть ужъ тряхну
Для друзей мошною!
«Денегъ, что ль, съ нами нѣтъ?
По рублю на брата!
У меня сто рублей
Каждая заплата!
«Не беречь же ихъ стать, —
Наживешь заботу;
Надавали мнѣ ихъ
За мою работу.
«Проживемъ — наживемъ;
Мышь башку не съѣла;
А кудрями тряхнемъ, —
Подавай лишь дѣла!
«А помремъ — не возьмемъ
Ничего съ собою;
И безъ денегъ дадутъ
Хату подъ землею.
«Эхъ, ты — ну, становись
На ребро копейка!
Прочь поди, берегись
Ты, судьба-злодѣйка!
«Иль постой! погоди!
Выпьемъ-ка со мною!
Говорятъ, у тебя
Счастье-то слугою.
«Можетъ-быть, молодцу

Ты и улыбнешься;
А не то, прочь ступай, —
Слезъ ты не дождешься!»

1869.

26.

Не корите, други,
Вы меня за это,
Что въ моихъ твореньяхъ
Нѣтъ тепла и свѣта.
Какъ кому на свѣтѣ
Дышется, живется —
Такова и пѣсня
У него поется.
Жизнь даетъ для пѣсни
Образы и звуки, —
Дастъ ли она радость,
Дастъ ли скорбь и муки,
Дастъ ли день роскошный,
Тьму ли безъ разсвѣта, —
То и отразится
Въ пѣсняхъ у поэта.
Пѣснь моя тосклива...
Виноватъ въ томъ я ли.
Что мнѣ жизнь ссудила
Горе да печали?

1878.

27.

И. И. Б–ву.

Когда разстанусь я съ землей,
Сложивъ на груди руки,
И въ домовинѣ гробовой
Засну, покинувъ муки, —
И пѣсня скорбная моя
Замретъ навѣки-вѣчно,
Тогда ты вспомни, другъ, что я
Любилъ тебя сердечно.
И предъ тобою въ этотъ мигъ
Воскреснетъ другъ любящій, —
И ты припомнишь вновь мой стихъ
Болѣзненный, скорбящій, —
И скажешь ты: «его ужъ нѣтъ, —
Онъ спитъ, скорбей не зная;
Но пѣсня та, что спѣлъ поэтъ,
Звучитъ еще, рыдая».

1879.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Изданіе данной книги осуществляется при поддержкѣ Благотворительнаго фонда возстановленія церкви Святой Живоначальной Троицы съ часовней въ Язвищахъ (https://xram-v-yazvichax.ru), занимающагося реставраціей храма, расположеннаго въ селѣ Язвищи Боровенковскаго сельскаго поселенія Окуловскаго района Новгородской области.

Данный топонимъ образованъ отъ слова «язвина», однимъ изъ значеній котораго въ старославянскомъ языкѣ является слово «нора». Недалеко отъ села протекаетъ рѣка Язовка, изрытая лисьими норами, давшая ему наименованіе.

Одно изъ первыхъ упоминаній о селѣ можно встрѣтить въ Переписной оброчной книгѣ Деревской пятины отъ 1495 года. Уже тогда тамъ проживали десятки человѣкъ.

Шли вѣка… Смѣнялись поколѣнія… Въ началѣ XX вѣка въ Язвищахъ проживали около 40 человѣкъ, что, можетъ быть, и немного, т. к. это была церковная земля, зато въ близлежащихъ деревняхъ – около 700 человѣкъ.

Жили люди, перестраивались и церкви, постоянно находившіяся въ селѣ. Такъ, въ 1891 году на мѣстѣ старой деревянной церкви былъ выстроенъ каменный храмъ Святой Живоначальной Троицы, возлѣ котораго расположилась богадѣльня, другія постройки. Рядомъ проживали и священнослужители.

Но прошло чуть менѣе трехъ десятилѣтій, и храмъ сталъ не нуженъ. Окончательно онъ закрылся въ 1937 году. Потихонечку исчезали люди. Война, лагеря, очень многіе разъѣхались въ города… Умерло и село Язвищи, которое было снято съ регистраціи въ 1977 году. Вмѣстѣ съ нимъ

умерли еще десятки подобныхъ селъ и деревень.

Сейчасъ въ близлежащихъ къ храму деревняхъ вмѣсто семисотъ человѣкъ, о чемъ сказано выше, проживаетъ около тридцати. Лишь лѣтомъ съѣзжаются дачники и мѣстность какъ-то оживаетъ.

Въ Язвищахъ остался только одинъ домъ, въ которомъ проживали священнослужители, да и тотъ давно непригоденъ для жилья.

А храмъ стоитъ – поруганный, оскверненный, но величественный – и ждетъ…

Почему такое произошло? Какъ вернуть въ тѣ прекрасныя мѣста людей, Жизнь? На эти вопросы есть много предположенiй, но мы считаемъ, что сначала надо приступить къ реставрацiи храма. И затѣмъ все вернется, т. к. въ тѣхъ мѣстахъ появится вѣра, безъ которой не можетъ жить ни теистъ, ни атеистъ.

Съ 2011 года мы начали реставрировать нашъ храмъ. За это время вынесли мусоръ, застелили временные полы, закрыли пленкой окна. Ввиду того что зданiе церкви является памятникомъ архитектуры, приступили къ разработкѣ научно-проектной документацiи.

Если Вы имѣете возможность помочь намъ въ дѣлѣ возстановленiя храма, то просимъ Васъ перечислить посильное пожертвованiе на реквизиты нашего фонда:

Расчетный счетъ получателя: 40703810655100000343 въ Сѣверо-Западномъ банкѣ ПАО «Сбербанкъ Россiи», Санктъ-Петербургъ.
ИНН получателя: 7816290748.
Получатель: Фондъ возстановленiя церкви Святой Троицы въ Язвищахъ.
Счетъ Банка получателя: 30101810500000000653.
БИК Банка получателя: 044030653.
Назначенiе платежа: Благотворительное пожертвованiе.

Поддержать насъ можно черезъ мобильное приложеніе вашего банка воспользовавшись QR-кодомъ (достаточно указать Ф.И.О. и сумму пожертвованія). Въ этомъ случаѣ средства поступятъ на расчетный счетъ.

Съ вопросами вы можете обращаться по телефону (921) 33-99-801 (Олегъ Лавровъ) или на электронный адресъ lavrovoa@mail.ru.

Благодаримъ васъ за поддержку, друзья!

Человѣка, доброхотно дающаго, любитъ Богъ, и недостатокъ дѣлъ его восполнитъ

[Книга Притчей Соломоновыхъ 22:8]

ПРОЕКТ
РЕСТАВРАЦИИ
ЦЕРКВИ
СВЯТОЙ
ЖИВОНОЧАЛЬНОЙ
ТРОИЦЫ
0
5
10 М
ЮЖНЫЙ ФАСАД